

A close-up, high-quality photograph of a samurai warrior. He has a weathered face with a beard and mustache, and his hair is tied back. He is wearing traditional Japanese armor (yoroi) with visible metal plates and lacing. A katana is visible, with its hilt wrapped in black and gold. The background is blurred, suggesting an outdoor setting. The text "Седьмой клинок самурая" is overlaid in the center in a large, white, sans-serif font.

Седьмой клинок самурая

Радик Яхин

Радик Яхин

Седьмой клинок самурая

«Автор»

2026

Яхин Р. С.

Седьмой клинок самурая / Р. С. Яхин — «Автор», 2026

Эпоха самураев уходит в прошлое: императорский указ «Хайторей» запретил ношение мечей, лишив воинов не просто оружия, но и смысла жизни. Хадзимэ Косукэ — последний из династии прославленных оружейников школы Гэндзи — переживает крах пятивековой традиции. Его кузница разрушена, горн остыл, а на левой ладони навсегда запечатлелось клеймо — символ утраченного предназначения. Но в одну из ночей к нему приходит капитан Сигурэ — офицер императорской армии, который принёс не надежду, а кошмар: чертежи парового боевого механизма «Кагуцу-тоби» («Летучая Смерть Бога»). Эта ходячая крепость способна стереть с лица земли любые самурайские отряды и крепости. Сигурэ украл чертежи у безумного голландского инженера, работающего на радикалов из «Клуба Чёрного Дракона», и теперь ему нужна помощь Косукэ.

© Яхин Р. С., 2026

© Автор, 2026

Радик Яхин

Седьмой клинок самурая

Дым над Йокогамой пахнет углем, паром и прогрессом. Старая Япония, та, что жила дыханием стали и кодексом бусидо, тихо умирала, захлебываясь в чаду фабричных труб. Императорский указ «Хайторей» – запрет на ношение мечей – не просто отобрал оружие. Он вырвал душу. Для таких, как Хадзимэ Косукэ, последнего из великой династии оружейников школы Гэндзи, этот указ был погребальным звоном. Его семья ковала клинки для сёгунов и героев на протяжении пяти веков. Теперь он сидел в своей полуразрушенной кузнице на окраине города, слушая, как ветер играет на расщепленных бамбуковых стенах, словно на струнах постылого сямисэна. В горне не тлел огонь. На наковальне не лежала сталь. Была лишь пыль да шепот предков, который с каждым днем становился все тише. На его левой ладони, пересекая линии жизни и судьбы, зияло уродливое клеймо – наказание за неповиновение, за тайную попытку выковать еще один клинок после указа. Это клеймо было его личным «Хайторей». Оно отнимало не руку, а предназначение. Но однажды ночью в его лачугу вошел призрак. Вернее, человек в потрепанном форменном мундире офицера императорской армии, с глазами, в которых плясали отражения далеких паровых котлов. Он назвался капитаном Сигурэ и положил на циновку перед Косукэ не чертеж, а кошмар, воплощенный в линиях и цифрах. «Кагуцу-тоби» – «Летучая Смерть Бога». Паровой боевой механизм, ходячая крепость, способная смешать с грязью любой самурайский отряд, любую крепость. Сигурэ, человек из будущего, боялся этого будущего. Чертежи, украденные им у безумного голландского инженера на службе у радикалов из «Клуба Черного Дракона», должны были быть уничтожены. Но просто сжечь их – значило лишь отсрочить неизбежное. Их нужно было выкрасть из-под носа у «Дракона» и доставить Сигурэ, чтобы он предал их огню на глазах у верховного командования. «Используй то, что они отняли, – прошептал капитан, бросая взгляд на потухший горн. – Они запретили сталь. Но они не могут запретить дух. Скуй седьмой клинок, Косукэ. Не из тамахаганэ, а из плоти, крови и ярости. Собери тех, кто носит твои шесть клинков. Твои последние творения. Они – лезвия, которые еще можно спасти от ржавчины». И когда Сигурэ растворился в ночи, Хадзимэ Косукэ впервые за год подошел к горну. Он не зажег огонь. Он взял кисть и тушь. И начал писать шесть писем. Призыв. Молитву. Приказ. Это был первый удар молота по невидимой стали.

Первый пришел Самый Тихий. Его звали Рюноскэ, но в тех немногих темных уголках Эдо, что еще помнили страшные истории, его звали «Тэнгу». Он вошел не через дверь, а словно просочился сквозь щель между мирами. Его черное кимоно было поношено, но безупречно чисто. На поясе, скрытая складками ткани, висела катана в невзрачных ножнах. Это был «Курай-кадза» – «Ветер Тьмы», первый клинок Косукэ, клинок абсолютного баланса и тишины. Рюноскэ был ниндзя последнего поколения, артист убийства, оставшийся без сцены. Он молча поклонился и сел в тень, став частью темноты. Вторым был гром. Его звали Горо, и он снес половину ветхой перегородки, просто проходя внутрь. Огромный, как медведь, с лицом, изуродованным оспой и битвами, он был ронином в самом примитивном смысле – бродягой, пьяницей, задирой. За его спиной, переброшенный через плечо, болтался огромный нодати «Ива-таре» – «Разрушитель Скал». Второй клинок Косукэ, тяжелый, грубый, неотразимый. Горо фыркнул, учуяв запах беды и, возможно, сакэ, и рухнул на пол, испустив облако пыли. Третья пришла с дождем. Юкико, бывшая онна-бугэйся, дочь павшего князя. Ее красота была холодна и остра, как зимний рассвет. Под простым плащом скрывалась пара изящных, как иглы, вакидзаси «Юки-мэ» – «Глаз Снега». Третий и четвертый клинки, близнецы, созданные для смертельного танца. Она поклонилась Косукэ с ледяной учтивостью, но в ее глазах горел вопрос: «Почему?» Четвертый прибыл верхом на тощем осле, читая потрепанную голландскую

книгу. Кэнтаро, бывший самурай-интеллектуал, а нынче шарлатан-врачеватель. У его пояса висел изящный танто «Киэн» – «Призрачная Река». Пятый клинок, короткий, тонкий, идеальный для точного удара между ребер или вскрытия трупа для изучения. Он улыбнулся всему миру сразу, но его пальцы нервно перебирали рукоять кинжала. Пятого принесли. Вернее, его приволокли на плечах двое громил, нанятых капитаном Сигурэ. Дзиро, слепой массажист с невероятно чуткими пальцами и слухом, доставшимся ему от предков-охотников. Его оружием был шестой клинок – копье-яри «Судзумэ-саси» – «Убийца Воробьев», с лезвием катаны на древке. Клинок, видящий сердцебиение врага. Его положили у стены, и он лишь кивнул в пустоту. Шестой... шестого ждали три дня. И он явился, когда уже, казалось, не придет. Это был мальчик. Лет шестнадцати, с пустым взглядом и руками, забинтованными до локтей. Его звали Тайдзюн. Беспамятный сирота, подбиравший объедки за портовыми тавернами. Но когда-то он был учеником в монастыре, где изучали фехтование на шестах. Он не нес никакого клинка. Он и был седьмым клинком – сырым, неоткованным, полным дикой, неосознанной силы. Его нашли там, где указал Косукэ, – у старого священного камня, под которым, по легенде, был захоронен первый меч его рода. Хадзимэ Косукэ обвел взглядом этот странный собор. Тень, гору, льдинку, шута, слепца и щепку. Он поднял свою клейменую руку. «Они отняли у нас право на сталь, – его голос был хриплым, но твердым, как удар по наковальне. – Они дают нам в руки пар и шестеренки, чтобы мы забыли, кто мы. Но дух клинка – не в его лезвии. Он – в сердце того, кто его держит. Вы – лезвия, которые я выковал. Каждое – уникальное, неповторимое. Теперь мне нужно скують вас в одно целое. В седьмой клинок. В «Синобигатану» – «Клинок Тени и Верности». Есть чертежи. Есть люди, которые хотят обратить ход реки времени вспять, к крови и хаосу, но с машинами вместо коней. Мы должны найти эти чертежи и уничтожить их. Мы – последний удар молота по наковальне истории. Согласны ли вы стать не мечом, а рукоятью в руках друг друга?» Ветер гулял по кузнице. Первым склонил голову слепой Дзиро. «Я слышу правду в вашем голосе, мастер. И ложь в тишине, что нас окружает». Последней, после долгой паузы, кивнула Юкико. Косукэ опустил руку. Началаськовка.

Чертежи «Кагуцу-тоби» находились, по информации Сигурэ, на голландском торговом судне «Флейта Провидения», которое должно было встать под разгрузку в доке Асаны через два дня. Корабль был плавучим филиалом «Клуба Черного Дракона». Задача была проста и безумна: проникнуть на корабль, найти каюту капитана или сейф инженера, извлечь чертежи и исчезнуть. Для шестерых ронинов, не доверявших друг другу и привыкших действовать в одиночку, это был первый пробный удар. Косукэ оставался в кузнице, их штабе. Он анализировал карты, схемы корабля, добытые Сигурэ, и ждал. Команда действовала. Рюноскэ-Тэнгу растворился в портовой суматохе за сутки до штурма, чтобы изучить режим смены караула и расположение часовых. Горо, облаченный в робу портового грузчика, устроился на погрузочные работы в соседний док, чтобы в нужный момент создать диверсию. Юкико, переодетая в богатую куртизанку из квартала удовольствий, втерлась в доверие к первому помощнику капитана, выманивая у него детали о внутреннем устройстве капитанской каюты. Кэнтаро, с его знанием голландского и медицины, под видом врача, проверяющего санитарное состояние команды после долгого плавания, получил пропуск на борт. Дзиро, с его сверхчувствительным слухом, устроился играть на сямисэне в таверне, где пировали матросы с «Флейты», улавливая обрывки пьяных разговоров. А Тайдзюн... Тайдзюна Косукэ оставил при себе. Мальчик был диким, непредсказуемым. Он часами мог смотреть на то, как мастер точит старые инструменты, повторяя движения его рук своими перебинтованными пальцами. «Зачем я им? – как-то спросил Тайдзюн, не отрывая взгляда от точильного камня. – У меня нет меча». «У тебя есть гнев, – ответил Косукэ. – Невыкованный, неотточенный гнев. Он режет тебя самого. Я научу тебя направлять его». Ночь штурма была темной и туманной. По сигналу – пожару на складе хлопка, устроенному Горо с помощью бутылки с маслом, – началось. Кэнтаро, уже на

борт, «случайно» разлил бочку с тухлой рыбой возле кают инженеров, вызывая суматоху и отвлекая внимание. Юкико, привлекая пьяного помощника капитана в глухой угол трюма, оглушила его ударом рукояти вакидзаси. Рюноскэ, словно паук, двигался по теням над палубой, беззвучно устраняя часовых на мостике. Дзиро, остававшийся на берегу, направлял их шепотом, который, казалось, они слышали сквозь шум порта: «Два шага влево... сердцебиение за дверью... металлический лязг справа...» Все шло как по чертежу. До того момента, пока Горо, ворвавшись в каюту капитана, не нашел сейф не просто пустым, а вскрытым. И на столе не лежала записка на ломаном японском: «Ждем продолжения представления. – К.Ч.Д.» Это была ловушка. Сирена парового свистка взревела, разрывая ночь. Корабль ожил. Двери захлопнулись, люки забаррикадировались. Их окружили. Не матросы, а люди в одинаковых черных кожаных плащах, с короткими револьверами и странными, похожими на когти, клинками из полированной латуни. Лидер «Дракона» на этом судне, европеец с белоснежными бакенбардами, улыбался. «Мастер Косукэ прислал своих щенков? Где же сам седовласый пес?» Команда стояла спиной к спине в центре каюты. Впервые их клинки – стальные, запретные – звякнули, выходя из ножен вместе. Ветер Тьмы, Разрушитель Скал, Глаза Снега, Призрачная Река, Убийца Воробьев. И в этот момент с палубы донесся душераздирающий крик, звук рвущегося металла и... рев. Реветь мог только Горо, но это было откуда-то сверху. Юкико бросилась к иллюминатору. На причале, в клубах пара и дыма, метался и крушил все вокруг гигантский, неуклюжий, но страшный механизм. Приземистый, на двух паровых ногах, с вращающейся на плече башней, из которой строчил пулемет. Прототип. Уменьшенная, но смертоносная модель «Кагуцу-тоби». А вел ее, яростно дергая за рычаги в стеклянной кабине, Тайджюн. Мальчик, чьи перебинтованные руки сжимали органы управления, а лицо исказила первобытная ярость. Он не похищал чертежи. Он пришел, чтобы уничтожить корабль. В одиночку. Косукэ понял. Он понял слишком поздно. Тайджюн не был случайностью. Он был приманкой. Ребенком, которого «Дракон» специально подбросил мастеру, вживив ему в сознание образы, ярость, направленную на это судно. Он был живой, искалеченной миной. И теперь он рвался.

Хаос стал их союзником. Прототип робота, управляемый безумным Тайджюном, сеял панику на причале. Огненные очереди прошивали борта «Флейты», вынуждая людей в черных плащах укрываться. Европеец с бакенбардами выругался. «Уничтожить этого выродка! А этих – взять живыми! Косукэ нужен им как ключ!» Бой в каюте вспыхнул с новой силой. Горо, ревя от ярости, взмахнул своим нодати «Ива-таре» и снес им дверной косяк, открывая путь на палубу. «Рюноскэ, займись стрелками на мостике! Юкико, слева! Кэнтаро, прикрой Дзиро!» – крикнул он, и, к своему удивлению, они послушались. Инстинкт выживания начал ковать их в единое целое. Рюноскэ стал призраком, мелькающим в дыму. Его «Курай-кадза» не звенел, он лишь шипел, рассекая воздух и горла стрелков. Юкико, как вихрь, носилась среди врагов, ее близнецы «Юки-мэ» оставляли на теле быстрые, ледяные порезы. Кэнтаро, обычно насмешливый, дрался с хладнокровной жестокостью хирурга, его «Киэн» находил слабые места в доспехах из кожи и латуни. Дзиро, не видя, чувствовал все. Его яри «Судзумэ-саси» описывало смертельные дуги, предвосхищая движения противников, направляемое его невероятным слухом. Они прорубались к борту. Внизу, на причале, Тайджюн в своем стальном монстре устроил ад. Машина была неуклюжей, но мощной. Паровой удар ее манипулятора смял будку часового. Но уже со стороны города неслись свистки полиции Мэйдзи и гул паровых тягачей с солдатами. «Дракон» и власти – все смешалось в одной охоте на них. «К мальчишке! – закричал Дзиро, прислушиваясь к ритму битвы. – Его сердце... оно рвется на части!» Они спрыгнули с борта на окровавленные камни причала. Горо рванулся к ногам робота, пытаясь ударить нодати по суставу. Сталь встретилась с закаленным металлом, высекая снопы искр. Робот зашатался. Из кабины доносились рыдания, смешанные с ревом двигателя. «Тайджюн! – крикнула Юкико, уворачиваясь от удара манипулятора. – Вспомни! Вспомни мастерскую! Вспомни

точильный камень!» В кабине что-то дрогнуло. Лицо мальчика исказилось не только яростью, но и болью воспоминаний. В этот момент из тумана вынырнула фигура. Хадзимэ Косукэ. Он шел спокойно, не обращая внимания на свист пуль, на грохот. В руке он нес не меч, а длинный кузнечный молот. Он подошел к шатающемуся роботу и посмотрел вверх, в заляпанное потом и маслом лицо Тайдзюна. «Спускайся, сын, – сказал он тихо, но так, что его голос был слышен сквозь весь грохот. – Ковка окончена. Пора закалять сталь». И он ударил молотом по опоре ближайшей паровой трубы, ведущей к ноге машины. Раздался шипящий, ревущий звук. Облако горячего пара окутало кабину. Машина замерла, лишенная энергии. Стекло кабины треснуло. Тайдзюн, обессиленный, вывалился наружу. Косукэ поймал его на руки. «Бегите! – рявкнул Горо, видя приближающиеся огни полицейских фонарей. – К старой рисовой мельнице за рекой!» Они побежали, неся на себе обессиленного Тайдзюна, оставляя за собой горящий причал, разбитый прототип и трупы. Они не нашли чертежей. Но они нашли нечто важнее – тень доверия. И поняли, что «Дракон» играет с ними, зная их шаги наперед. В рисовой мельнице, в пыльном полумраке, Тайдзюн пришел в себя. Он не помнил всего, но помнил голос, который вложил ему в голову образы ненависти. Голос человека, которого называли Доктором Геккелем, голландского инженера, создателя «Кагуцу-тоби». Чертежи были не на корабле. Они никогда там не были. Это был тест. Тест на прочность для команды Косукэ и полевые испытания для прототипа. И тест они с треском провалили. Но выжили. Косукэ осмотрел свои клинки. Все были ранены, измотаны, но целы. Он посмотрел на них. «Первая закалка прошла, – сказал он. – Сталь не треснула. Теперь мы знаем, с чем имеем дело. И они узнали нас». Он подошел к Тайдзюну, снял с его рук грязные бинты. Под ними были не раны, а странные, похожие на татуировки, металлические следы от присосок и игл – следы машин, что вводили ему в сознание яд. «Теперь ты наш, – сказал Косукэ. – И мы выкуем из тебя клинок, а не лом». Вдалеке, на другом конце Йокогамы, в роскошном доме в европейском стиле, Доктор Геккель смотрел на дым над портом через бинокль и улыбался. «Идеально, – прошептал он своему японскому партнеру, высокому, худому мужчине в безупречном кимоно с вышитым черным драконом. – Они собрались. Они живы. И теперь мастер Косукэ по-настоящему в игре. Настоящие чертежи ждут его следующего хода. В замке Куросава. Там, где его семья ковала мечи для сёгуна. Ирония, не правда ли, лорд Куросава?» Японец, лорд Куросава, бывший даймё, а ныне влиятельный член «Клуба Черного Дракона», кивнул. «Пусть придет. Пусть увидит, как его прошлое служит будущему, которое мы построим. На обломках его мира». Геккель опустил бинокль. «Завтра отправим приглашение. Более... личное».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.